

Н.Ю. Буровцева

Анализ стихотворения «Отговорила роща золотая....»

Е. Винокуров справедливо заметил, что все творчество Сергея Есенина — это одно произведение, центр которого сам поэт. «В поэтической стране, где живет автор, все есенинское. Каждое стихотворение — только деталь общей картины, хотя она и существует отдельно». Исходя из этого, попытаемся прочесть стихотворение «Отговорила роща золотая...» (1924).

Стихотворение — пример так называемой медитативной лирики (*медитация* — углубленное размышление, погружение в себя), его сюжет — движение чувства лирического героя, подводящего итоги своей жизни. (Показательно, что первое слово стихотворения — «отговорила» — глагол совершенного вида, обозначающий законченное, завершённое действие.)

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

В *первой строфе* дан не конкретный, тщательно выписанный, а как бы обобщенный пейзаж русской осени: облетевшая роща, журавли... Это лишь набросок, эскиз, детали которого нет надобности прорисовывать, так как главное не в них, а в настрое души лирического героя, о чем свидетельствуют постоянные есенинские эпитеты: «роща *золотая*», «*березовым, веселым языком*». «*Печально пролетая*» — так может сказать только человек.

Вторая строфа — пример афористически емкого словесного выражения жизненного пути человека:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Постоянные образы Есенина: странник, покинутый дом, голубой пруд и даже конопляник как деталь среднерусского пейзажа — на этот раз спутники не только лирического героя, но и каждого человека. (Обращает на себя внимание необычный эпитет «*широкий месяц*».)

В *третьей строфе* внутри этого обобщенного пейзажа, где-то вдалеке, на горизонте, появляется одинокая фигура лирического героя — «вечно странствующего странника»:

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

«Золотая» юность героя, так же как и роща, «отговорила веселым языком».

Не жаль мне лет, растрченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.

Трижды повторенное отрицание «не жаль» убеждает в обратном: жаль! да еще как жаль! (растрчено-то напрасно). *Четвертая строфа* — кульминация в развитии лирического сюжета. Чувство беспредельной («*один среди равнины голой*») тоски и одиночества разрешается образом необычайной поэтической силы:

В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

«Но никого не может он согреть...» И вдруг — в *пятой строфе* — резко меняется эмоциональная тональность стихотворения, и отрицания («не обгорят», «не пропадет») на этот раз звучат уже как утверждения:

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

Откуда же у поэта уверенность в том, что все не напрасно?

«Рябиновый костер» — так Есенин хотел назвать один из своих последних сборников. Лирический герой поэта постоянно сравнивает себя с деревом («Я хотел бы стоять как дерево, / При дороге на одной ноге»), цветком («Я милой голову мою / Отдам, как розу золотую»), а свою душу поэта — с яблоней, осыпающейся золотыми плодами волшебных образов:

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать у

или:

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.

Строки «Как дерево роняет тихо листья, / Так я роняю грустные слова» возвращают нас к началу стихотворения. «Роща золотая» — это и сам поэт, и его поэзия. (Потому и «не обгорят рябиновые кисти» и «не пропадет трава».) Для Есенина поэзия — это прекрасный сад (роща), где слова — листья, образы — яблоки, стряхиваемые с души, когда нальются соком:

Все мы яблоко радости носим,
И разбойный нам близок свист,
Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.

В сад зари лишь одна стезя,
Сгложет рощи октябрьский ветр.
Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

(«Кобыльи корабли», 1919.)

Осень не случайно названа «мудрым садовником». В *последней строфе* внутреннее, лирическое движение сюжета стихотворения «Отговорила роща золотая...» завершается: героем уже владеет не чувство тоски и одиночества (3 и 4 строфы), а просветленная грусть (вспомните Пушкина: «Печаль моя светла»). Есенин о своем «возрасте осени» скажет: «Прозрачно я смотрю вокруг». Для него человек, поэзия и природа — одно целое. И поэт отождествляет себя с природой.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

«Милый» — чисто есенинское обращение к жизни:

Планета, милая, Катись, гуляй и пей.

* * *

Милый, милый, Смешной дуралей...

* * *

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись.

* * *

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!

И с жизнью поэт прощается «негромко, вполголоса», по-пушкински светло.

Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.